

ИСТОРИОГРАФИЯ ЕВРЕЙСКОГО ДЕТСТВА

История еврейского детства является новым и мало разработанным направлением в иудаике. В статье показывается, что историография этого направления проходит другие стадии, нежели историография европейского или американского детства, и исследует иные темы, опираясь на иной круг источников. Автор доказывает, что причина этих отличий, а также малой популярности темы детства в иудаике в целом кроется как в особенностях источниковой базы, так и во влиянии израильской историографии, для которой традиционно более важным является «национальное измерение, чем локальные и менее идеологически нагруженные темы, такие как история детства, история повседневности и т.д.

Ключевые слова: историография детства, иудаика, историографические школы, этно-религиозная идентичность, социология знания

С момента выхода известной работы Ф. Арьеса прошло почти 60 лет, и за это время история детства стала самостоятельной междисциплинарной областью. Однако историография еврейского детства не сформировалась как отдельное направление. Почему она находится лишь на стадии формирования? И как она соотносится с изучением еврейской истории в целом и с израильской историографией? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сравнить ее с европейскими аналогами, выявить сходства и различия, рассмотреть специфику доступной источниковой базы и историографии еврейской истории.

Работы по истории еврейского детства, опирающиеся на современную методологию, появляются лишь в конце 1980-х гг. – более, чем через 20 лет после выхода книги Арьеса, вызвавшей шквал исследований в этой области. Одними из первых появились работы о еврейском детстве в Средние века. Они исходили из того, что тезисы Арьеса относительно отсутствия эмоциональной привязанности родителей к детям в средневековом христианском обществе верны¹, и признавали, что некоторые описанные им черты равно характерны как для христианского, так и для еврейского средневековья: например, что понятие детства было хуже маркировано, и в рамках системы образования дети воспринимались как «маленькие взрослые»². Более поздние исследования еврейского детства в Средние века (их всего два) сфокусированы на обрядах и ритуалах детства, на системе образования и еврейско-христианских отношениях. В частности, подробно рассматривается ритуал «введения» мальчиков в хедер (начальную школу) и ритуалы раннего детства³. В этих работах применяются современные методы⁴,

¹ Kanarfogel 1985; Goldin 1989; Ta-Shma 1991.

² Kanarfogel 1992: 40–41.

³ Marcus 1996; Baumgarten 2004.

⁴ И. Маркус использует методы исторической антропологии, а Э. Баумгартен – методы гендерных исследований, рассматривая также семью целостно.

но круг изучаемых ими «детских» вопросов очень ограничен; попытки представить целостную картину детства не происходит. Работ о еврейском детстве в Новое время две: в первой предлагаются возможные пути исследования истории детства в еврейской культуре⁵, вторая же является попыткой (пусть не совсем удачной) создать целостную картину опыта детства⁶, в ней используются социологические методы, и детство анализируется в контексте различных социальных пространств. Впервые в исследованиях еврейского детства привлекаются визуальные источники. Однако заявленная целостная картина все равно редуцируется к ритуалам и системе образования. Как и в случае с работами о средневековом еврейском детстве, это связано с «однбоко́стью» сохранившихся источников и с особенностями еврейской историографии.

Исследования о еврейском детстве в XIX – начале XX в. можно разделить на три дисциплинарные группы: 1) *культурная антропология*: исследования основываются на данных опросов и интервью и посвящены концу XIX – началу XX в., 2) *история*: исследования построены на анализе письменных источников и репрезентации в них детства и детей, и 3) *литературоведение*: исследования посвящены образу детства в еврейской литературе (преимущественно на иврите).

В рамках *культурной антропологии* несколько работ о еврейском детстве написано известными американскими антропологами, это статьи конца 1940-х – начала 1950-х гг., проникнутые духом культурного детерминизма⁷. Почти все авторы не были специалистами конкретно по еврейской культуре, поэтому не находились под влиянием историографии еврейской истории. Вероятно, поэтому в них исследуются аспекты, к которым исследователи, занимавшиеся только еврейским детством, почти не обращались. Причиной этого также является специфика источников (устные свидетельства) и методологии (антропологической, а не исторической). Более позднее исследование в рамках культурной антропологии и устной истории, находящееся как раз в русле еврейской историографии, больше интересно своими материалами, нежели аналитической составляющей, поскольку лишь суммирует материалы устных свидетельств, не давая им почти никакой интерпретации⁸.

В *исторических* работах сделан ряд попыток воссоздать опыт еврейского детства XIX – начала XX в. на основании автобиографий, собранных в 1930-е гг. Институтом еврейских исследований⁹, а также исследовать представления о детстве в разных социальных группах¹⁰, в частности, почему источники игнорируют в описании детства других темы, помимо ритуалов и образования¹¹.

⁵ Hundert 1989.

⁶ Бернеп 2018.

⁷ Benedict 1949; Landes, Zborowski 1950.

⁸ Weinberg 1988.

⁹ Schwara 1999; Бассок 2015.

¹⁰ Biale 1986.

¹¹ Залкин 2008а.

В *литературоведческих* работах ограничение исследований литературой на иврите допустимо при изучении современной литературы¹², но применительно к литературе Восточной Европы XIX в. сильно сужает область исследования¹³ и искажает его результаты: литература на иврите была в XIX в. ориентирована на достаточно узкую аудиторию. Литература на идише, напротив, имела куда больше читателей и существовала в том же культурном пространстве; включение ее в круг рассматриваемых источников могло бы обогатить имеющиеся исследования. Нехватка литературы на идише особенно ощущается, когда изучаются ивритоязычные произведения авторов, которые писали преимущественно на идише, но их же произведения на идише остаются за рамками исследования¹⁴. В рамках работ о детской литературе на иврите внимание уделяется почти исключительно израильской литературе¹⁵.

Ряд работ (их крайне мало) посвящен детству в более ранние периоды (изображению детства в библейских текстах¹⁶, детству в поздней античности¹⁷), в неевропейском пространстве¹⁸, образу детей в еврейском религиозном законодательстве¹⁹. Отдельные аспекты детства рассматриваются в работах по истории женщин²⁰ и истории семьи²¹.

Дети постоянно фигурируют в работах о Холокосте, однако в них, как правило, рассматриваются не культура детства и не представления о детстве, а события, связанные с жизнью детей в гетто и лагерях, меры, предпринятые для их спасения, и главенствует дискурс трагического отсутствия детства в условиях войны и концлагерей.

Попытка проследить развитие представлений о детстве в еврейской истории была сделана всего одна²², и та оказалась неудачной. Еврейской системе образования, напротив, посвящена обширная литература. Существует несколько основательных работ о еврейском образовании в Средние века²³, а также в Новое и Новейшее время (как о традиционном, так и о модернизированном)²⁴.

В итоге: 1) история еврейского детства как область исследований начала развиваться поздно, 2) имеющиеся на сегодня исследования очень немногочисленны; 3) область исследования можно обозначить

¹² Sokoloff 1992.

¹³ Lapidus 1989; Прегер-Вагнер 2018.

¹⁴ В одной из работ все же сделана попытка структурированно представить развитие нарратива о детстве, хотя бы в литературе на иврите. См.: Прегер-Вагнер 2018.

¹⁵ Машиах 2000; Еладим бе-рош га-махане 2010; Керен-Яар 2007.

¹⁶ Parker 2013.

¹⁷ Sivan 2018.

¹⁸ Башан 2006.

¹⁹ Matzner-Bekerman 1984; Фляйшман 1998.

²⁰ Ламдан 1996; Ховав 2009.

²¹ Напр.: The Jewish Family: Metaphor and Memory 1989; Freeze 2002; Stampfer 2014.

²² Cooper 1996.

²³ Kanarfogel 1992; Roth 2015; Abrahams 1993; Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages... 2017; Golb 1998.

²⁴ Когман 2013; Га-хедер 2010; Stampfer 2012, 2014; Залкин 20086; Adler 2011.

как находящуюся только на пути к формированию, 4) тематически исследования ограничены ритуалами и системой образования, другие темы освещаются только применительно к XIX–XX вв., 5) методологические же новшества, как правило, присутствуют в работах, посвященных периоду до начала XIX века.

Для сравнения историографии еврейского детства с историографией европейского и американского детства я рассмотрю периодизацию последней, спектр тем и новые тенденции. Маргарет Кинг в своем обзоре разделяет историографию европейского детства на два периода: 1) с 1960-х по 1980-е гг. и 2) с 1990-х гг. до нынешнего момента²⁵. Аналогичная периодизация присутствует у Хью Каннингама, но в менее артикулированном виде. Первый период можно назвать условно «подростковым» или периодом «эмансипации от Ф. Арьеса»: большинство исследований строится в рамках полемики с Арьесом, круг вопросов предопределен этой полемикой²⁶. Для данного периода характерны исследования, посвященные семье и проведенные с использованием методов социальной истории, с использованием архивных документов в качестве источников²⁷. Второй период более зрелый: «эмансипация от Арьеса» уже произошла, начинается синтез имеющихся знаний в работах, описывающих историю детства на протяжении длительных периодов²⁸. Конкретные исследования характеризуются постановкой вопросов, уже не апеллирующих к Арьесу, использованием социологических и психологических методов и обращением к визуальной и материальной культуре в качестве источника²⁹. В последние десятилетия активно разрабатываются следующие темы: детство и бедность, деторождение, демография детства, школьное образование, юридические вопросы, касающиеся детей (например, незаконнорожденных), культурные представления о детстве и т.д. Что касается географического «освоения», то особенно много работ посвящено Англии, Америке, Франции и Италии, в то время как, к примеру, детство в не-мецких землях изучено в меньшей мере, не говоря уж о детстве в неевропейских культурах³⁰. Более изученным, разумеется, по-прежнему остается «элитное детство»³¹, хотя исследования, где анализируется детство детей из среднего и низшего класса, также присутствуют.

В качестве источников, помимо архивных документов и традиционных письменных источников, в последние несколько десятилетий активно используется визуальная и материальная культура (вплоть до исследований, построенных почти исключительно с опорой на эти типы

²⁵ King 2007: 372, 376.

²⁶ Cunningham 1998: 2102.

²⁷ King 2007: 374.

²⁸ King 2007: 376.

²⁹ Cunningham 1998: 1199.

³⁰ King 2007: 381.

³¹ Ibid.: 377–378.

источников³²). Хотя визуальными источниками пользовался еще Арьес, из-за критики в его адрес по поводу неверного их прочтения историки, считает Каннинггам, долго боялись к ним обращаться, и визуальные источники «вернулись» в лоно истории детства лишь во второй период³³.

И.С. Кон отмечал «социологизацию» исследований детства, считая важнейшим нововведением признание множественности культур детства³⁴, а также гендерный поворот: переход от изучения истории детства в целом к изучению истории мальчиков и девочек. Несмотря на тривиальность утверждения о том, что мальчиков и девочек воспитывали по-разному, «мальчиковедение» (boyhood studies), «девочковедение» (girlhood studies) и гендерная история детства сформировались как самостоятельные направления лишь в начале XXI в.³⁵

Поскольку первые работы по историографии еврейского детства появились лишь в конце 1980-х³⁶, предложенная М. Кинг периодизация к ней неприменима. Взлета, спровоцированного Арьесом, здесь не произошло, и, хотя для первых работ был характерен ярко выраженный диалог с предложенными им идеями, он в скором времени сошел на нет³⁷. Не замечен здесь и синтез, характерный для второго периода.

Тематически многие работы, особенно посвященные детству в период до начала XIX в. (в т.ч. совсем недавние), сфокусированы на обрядах, ритуалах жизненного цикла и системе образования, что можно объяснить, в первую очередь, спецификой имеющихся источников. В традиционной еврейской системе координат основной ценностью является изучение Торы и исполнение религиозных предписаний³⁸. Изучение Торы в пространстве детства эквивалентно получению религиозного образования, а посредством ритуалов исполняются религиозные предписания³⁹. Поэтому эти две темы в гораздо большей мере отражены в источниках, нежели какие-либо другие. Материалов для исследования других аспектов истории детства крайне мало, а для исследователя естественно следовать за той темой, материала по которой в источнике много. С другой стороны, можно воспринимать такое нежелание искать ответы на другие вопросы как отражение того, что традиционные модели мышления косвенно влияют на «систему ценностей», поскольку оказы-

³² Calvert 1992.

³³ Cunningham 1998: 1199.

³⁴ Кон 2010: 16.

³⁵ Там же: 17.

³⁶ В предыдущем разделе упоминались антропологические работы, написанные еще в 1948–1950 гг., однако дисциплинарно они не относятся к исследованиям истории детства: они являются частью скорее культурной антропологии, чем иудаики.

³⁷ Сама работа Ф. Арьеса, насколько мне известно, на иврит не переведена.

³⁸ М. Залкин доказывает применительно к традиционным автобиографиям и ортодоксальной историографии, что описание в них детства исключительно в виде обучения в хедере связано с ценностной системой пишущего. – См. Залкин 2008а. Это же верно и для других источников, особенно более ранних.

³⁹ Или же того, что воспринимается в обществе как религиозные предписания, хотя и не закреплено ни в каких «формальных» текстах.

ваются частью идентичности, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на постановку исследовательского вопроса. В контексте идентичности ритуалы и система образования куда более важны, чем феномен детства, которым подкрепить идентичность сложно.

Сходство с тематическим срезом историографии европейского детства состоит в обращении к темам образования (хотя в европейской историографии интерес к ней, видимо, имеет иные корни). Помимо этого, в историографии еврейского детства присутствует несколько работ о юридическом статусе детей, что также роднит ее с европейской историографией, но в целом тематическая направленность исследований очень различна: историки европейского и американского детства куда больше интересуются представлениями о детстве, культурой детства (как материальной, так и социальной), местом детей в семье и т.д.

Источниками для написания истории еврейского детства как правило служат этическая и религиозно-юридическая литература. Иногда также используются автобиографические сочинения, однако они появляются в еврейской традиции позже, чем в европейской, и автобиографии, написанные до начала XIX века, крайне малочисленны.

Архивные документы начали использоваться недавно. От периода до конца XIX в. сохранилось мало собственно еврейских архивов, поскольку вплоть до 1948 г. евреев не было своего государства, а значит и государственных или муниципальных архивов. Импровизированные архивы, находившиеся в отдельных общинах, быстро приходили в негодность вследствие условий хранения и часто уничтожались пожарами, во время войн, погромов и т.д. Поэтому большая часть имеющихся архивных данных являются внешними, а они, как правило, содержат мало материала по теме детства. Сохранившиеся внутренне еврейские документы большей частью представляют собой акты, уставы общин и также не располагают к изучению детства. Документов личного характера (писем, дневников и др.) крайне мало в периоды, предшествующие XIX в. Визуальные источники начинают использоваться в исследованиях по истории еврейского детства, но не играют в них значительной роли, что, связано с их небольшим количеством и специфическим характером. Преимущественно это изображения в рукописях, иллюстрации в печатных книгах (малочисленные и, как правило, четко регламентированные), росписи в синагогах (поздние, начиная с XVIII–XIX вв., где преимущественно отсутствуют изображения людей) и изображения на предметах культа, где люди либо не изображались вообще, либо это были конкретные библейские персонажи (например, Моисей и Аарон). Менее регламентированные каноном изображения появились только после распространения еврейского Просвещения (Гаскалы) в конце XVIII в. и находились в русле европейской традиции. В раннее Новое время существовали также иллюстрации в книгах о евреях и иудаизме, написанных христианами, но они также немногочисленны и

обычно ограничиваются сценами религиозной повседневности. Материальная культура остается в стороне – нет ни одной работы, опирающейся на анализ материальной культуры. Причина этого тривиальна: материальные объекты повседневного неритуального пользования большей частью не дошли до наших дней⁴⁰. Ритуальных объектов сохранилось чуть больше, но они менее применимы к исследованиям о детстве.

Наиболее освоена история еврейского детства в Европе. Еврейское детство вне Европы (не считая детства в Израиле во второй половине XX в.), как и его нееврейский собрат, до сих пор практически не исследовано. Бóльшая исследованность детства в высших социальных стратах характерна для историографии еврейского детства и, по-видимому, является универсальной чертой, обусловленной бóльшим количеством источников, оставленных о себе высшими слоями общества.

Говорот к социологии и гендерный поворот в исследованиях еврейского детства только намечаются. Лишь в работах последних лет начинают использоваться социологические постановки вопросов и методы (к примеру, появляются исследования социальных пространств детства⁴¹). Необходимость отдельно исследовать историю мальчиков и историю девочек постулируется в некоторых недавних работах, но воплощается на практике редко, в т.ч. в силу недостатка источников, по которым можно изучать историю девочек⁴². Признание множественности детства также постулируется, но почти не находит воплощения в исследованиях.

Все описанные выше особенности источниковой базы, однако, не дают ответа на вопрос о том, почему история детства, получившая такое широкое распространение в Европе и США, оказалась настолько неинтересна в иудаике (Jewish studies). Я считаю, что причина этого кроется в состоянии историографии еврейской истории в целом

Для иудаики характерно «запаздывание» относительно европейской историографии и особое внимание к «национальному» вопросам. Иерусалимская историографическая школа, главенствовавшая в израильской историографии вплоть до 1970–1980-х гг.⁴³, имела четкую национальную направленность, ее основными постулатами были идеи о единстве еврейского народа, преемственности его истории с библей-

⁴⁰ Принадлежность к доминирующей культуре обеспечивала то, что могли сохраняться хотя бы предметы быта великих современников, например, императоров или известных людей, а поскольку еврейских императоров не существовало, как и евреев, которые после смерти обладали бы настолько большим социальным весом в доминирующей нееврейской культуре, чтобы хранить предметы их обихода, дошедшие до нас еврейские повседневные материальные объекты датируются главным образом концом XIX – началом XX века.

⁴¹ Бернер 2018.

⁴² Единственным исследованием истории образования девочек является уже упоминавшаяся работа Э. Адлер, см. Adler 2011.

⁴³ В европейской и американской историографии к этому моменту уже лет 70, как перестали писать национальную историю, зато появились школа «Анналов», история понятий и интеллектуальная история, культурная история и т.д.

ских времен и о центральном значении земли Израиля для еврейской истории⁴⁴. Лишь в 1980-е появляются т.н. «новые историки», стремящиеся рассматривать еврейскую культуру в контексте окружающих ее культур и применяя новые научные подходы⁴⁵. Вместе с тем, примерно в это же время центр изучения еврейской культуры сдвигается из Израиля в США, где открываются кафедры еврейской истории и культуры, израильские ученые начинают активно публиковать работы на английском, а израильские студенты – приезжать на учебу в США⁴⁶. Все это знаменует постепенное приближение еврейской историографии к более современным образцам написания истории.

Тем не менее, национальный вопрос применительно к еврейской истории далеко не исчерпан, о чем свидетельствует, например, появление десять лет назад книги «How Jewish is Jewish history?», написанной одним из ведущих израильских историков, Моше Росманом⁴⁷. Согласно Росману, если рассматривать еврейскую историю в духе постмодернизма, то она теряет свою «еврейскость», а еврейская культура распадается на множество локальных «еврейских культур», имеющих между собой мало общего, что для него неприемлемо и подрывает легитимность существования иудаики как исследовательской области. Озабоченность «еврейскостью» еврейской культуры и отставание ее преемственности в разных временных и географических континуумах⁴⁸ указывает на то, что национальный дискурс в историографии по-прежнему силен. «Еврейская» составляющая еврейской истории оказывается настолько важной для идентичности пишущего, что сама мысль о ее потере непереносима. Все это оказывает влияние и на историографию еврейского детства. В атмосфере «национального» интереса детство как тема исторического исследования оказывается нерелевантным. Неслучайно первые работы по истории еврейского детства появляются как раз в конце 1980-х гг., когда в израильской историографии происходит перелом. Однако изменения занимают время. «Национальная» историография еще не стала достоянием прошлого.

С другой стороны, интерес к традиционным «еврейским» темам, таким как исследование Танаха, Талмуда, средневековой еврейской философии, хасидизма, остается. Эти дисциплины можно назвать «элитой» иудаики: у изучения этих текстов длинная история, и если раньше ими занимались раввины, то теперь исследуют представители гуманитарных наук. Перелом в историографии привнес в них новые методы, например,

⁴⁴ Shmueli 1986: 149–150.

⁴⁵ Myers 2009: 396.

⁴⁶ Там же: 394.

⁴⁷ Rosman 2009.

⁴⁸ Хотя Росман в данной книге и других работах часто рассматривает еврейскую культуру в контексте европейской и уделяет много внимания их взаимовлиянию, для него крайне важно представление о том, что еврейская культура в Польше и, скажем, в Йемене имеют между собой нечто общее и являются составляющими одной еврейской культуры, а не различными еврейскими культурами.

гендерные исследования применительно к Танаху и Талмуду, но общая тематика и изучаемые тексты остались неизменными. Очевидно, что популярность и «элитность» этих дисциплин связаны с их важностью для коллективной и индивидуальной идентичности, что особенно актуально, поскольку изучение чего бы то ни было еврейского по-прежнему часто ассоциируется с этно-религиозной принадлежностью исследователя.

Центр еврейской историографии перемещается в США, и это, возможно, становится еще более важным: если для израильтян еврейская идентичность выражается, по меньшей мере, в том, что они живут в еврейском государстве, то американские евреи вынуждены искать другие способы ее подкрепления и выражения. Возможно, изучение традиционных еврейских текстов как раз и является одним из таких способов. Изучение же детства вносит гораздо меньший вклад в идентичность, и поэтому не является настолько лично важным. Детство (как и повседневность, гендерные исследования и т.д.) в национальный исторический нарратив не вписывается, история детства так и не смогла пока развиться в отдельную область в рамках иудаики, в т.ч. вследствие влиятельности национальной историографии.

Помимо этого, еврейская историография в любом своем идеологическом проявлении зачастую связана с поддержанием и выражением этно-религиозной идентичности исследователя. Но и здесь еврейское детство оказывается мало востребованной темой: в отличие от изучения, к примеру, священных еврейских текстов, традиционно обозначаемых еврейской культурой как значимых, изучение еврейского детства предоставляет гораздо меньше возможностей для идентификации со значимым изучаемым предметом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 12–24 [Kon I.S. Otkrytiya Filippa Ar'esa i gendernye aspekty istorii detstva // Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie. 2010. № 15 (58). S. 12–24].
- Abrahams I. *Jewish Life in the Middle Ages*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1993. 452 p.
- Adler E.R. *In Her Hands. The Education of Jewish Girls in Tsarist Russia*. Detroit: Wayne State University Press, 2011. xvi, 196 p.
- Baumgarten E. *Mothers and Children: Jewish Family Life in Medieval Europe*. Princeton, N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2004. xvi, 275 p.
- Benedict R. *Child Rearing in Certain European Countries* // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1949. No 19(2). P. 342–350.
- Biale D. *Childhood, Marriage and the Family in the Eastern European Jewish Enlightenment* // *The Jewish Family: Myths and Reality* / Ed. by Steven M. Cohen and Paula E. Hyman. New York: Holmes and Meier, 1986. P. 45–61.
- Calvert K. *Children in the House: The Material Culture of Early Childhood, 1600-1900*. Boston: Northeastern University Press, 1992. xi, 189 p.
- Cooper J. *The Child in Jewish History*. Northvale, N.J.: J. Aronson, 1996. 450 p.
- Cunningham H. *Histories of Childhood* // *The American Historical Review*. 1998. Vol. 103, No. 4. P. 1195–1208.
- Freeze Ch. Y. *Jewish Marriage and Divorce in Imperial Russia*. Hanover, N.H.; London: Brandeis University Press, 2002. [xix], 399 p.
- Goldin S. *Die Beziehung der jüdischen Familie im Mittelalter zu Kind und Kindheit* // *Jahrbuch der Kindheit*. 1989. № 6. P. 209–233.

- Hundert G.D. Jewish Children and Childhood in Early Modern East Central Europe // *The Jewish Family: Metaphor and Memory* / Ed. by David Kraemer. New York: Oxford University Press, 1989. P. 81–94.
- Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages: Studies in Honour of Philip S. Alexander / ed. Philip Alexander, George Boorke, Renate Smithius. Leiden; Boston: Brill, 2017. 461 p.
- Kanarfogel E. Attitudes toward Childhood and Children in Medieval Jewish Society // *Approaches to Judaism in Medieval Times*: in 3 vol. / ed. by David R. Blumenthal. Chico Calif.; Atlanta Ga.: Scholars Press, 1985. V. II. P. 1–34.
- Kanarfogel E. Jewish Education and Society in the High Middle Ages. Detroit: Wayne State University Press, 1992. 213 p.
- King M. L. Concepts of Childhood: What We Know and Where We Might Go // *Renaissance Quarterly*. 2007. Vol. 60, No. 2. P. 371–407.
- Landes R., Zborowski M. Hypotheses Concerning the Eastern European Jewish Family // *Psychiatry*. 1950. № 13:4. P. 447–464.
- Lapidus A.L. Lost Childhood in East European Hebrew Literature // *The Jewish Family: Metaphor and Memory* / Ed. by David Kraemer. N.Y.: O.U.P., 1989. P. 95–112.
- Marcus I. G. Rituals of Childhood: Jewish Acculturation in Medieval Europe. New Haven, Conn.; London: Yale University Press, 1996. xii, 191 p.
- Matzner-Bekerman S. The Jewish Child: Halakhic Perspective. New York: KTAV Publishing House, 1984. 314 p.
- Myers D.N. Is There Still a “Jerusalem School?” Reflections on the State of Jewish Historical Scholarship in Israel // *Jewish History*. 2009. № 23(4). P. 389–406.
- Parker J.F. Valuable and Vulnerable: Children in the Hebrew Bible, Especially the Elisha Cycle. Providence: Brown University, 2013. 268 p.
- Rosman M. How Jewish is Jewish history? Oxford: Littman Library of Jewish Civilization, 2009. 220 p.
- Roth N. Daily Life of the Jews in the Middle Ages. Westport: Greenwood Press, 2015. 231 p.
- Schwara D. “Ojfn weg schtejt a bojm”: jüdische Kindheit und Jugend in Galizien, Kongresspolen, Litauen und Russland 1881–1939. Köln: Böhlau, 1999. 489 p.
- Shmueli E. The Jerusalem School of Jewish History (A Critical Evaluation) // *Proceedings of the American Academy for Jewish Research*. 1986. № 53. P. 147–178.
- Sivan H. Jewish Childhood in the Roman World. N.Y.: C.U.P., 2018. 443 p.
- Sokoloff N. Imagining the Child in Modern Jewish Fiction. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. xiv, 234 p.
- Stampfer Sh. Families, Rabbis, and Education: Traditional Jewish Society in Nineteenth-century Eastern Europe. Oxford: Littman Library of Jewish Civilization, 2014. xii, 414 p.
- Stampfer Sh. Lithuanian Yeshivas of the Nineteenth Century: Creating a Tradition of Learning. Oxford: Littman Library of Jewish Civilization, 2012. 416 p.
- Ta-Shma I.M. Children in Medieval Germanic Jewry: A Perspective on Ariès from Jewish Sources // *Studies in Medieval and Renaissance History*. 1991. No. 12. P. 261–280.
- The Jewish Family: Metaphor and Memory* / ed. David Kraemer. Oxford: O.U.P., 1989. 248 p.
- Weinberg S.S. The World of Our Mothers. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1988. xiv, 325 p.
- Бассок И. Тхият га-неурим: мишпаха ве-хинух бе-ягадут Полин бейн мильхамот га-олам. Иерусалим: Мирказ Залман Шазар, 2015. 357 с. [Bassok I. Tehiyat ha-ne'urim: mishpahah ve-hinukh be-yahadut Polin ben milhamot ha-‘olam. Jerusalem: Mirkaz Zalman Shazar, 2015. 357 p. (in Hebrew)]
- Башан Э. Горим ве-еладим бе-хагутам шель хахамей цфон Африка. Тель-Авив: Гаккибуц га-меухад, 2006. [3], 376 с. [Bashan E. Horim ve-yeladim be-hagutam shel hakhamei zfon Afrikah. Tel-Aviv: Ha-kibbutz ha-meuhad, 2006. [3], 376 p. (in Hebrew)]
- Бернер Т. Аль пи даркам: еладим ве-ялдут бе-Ашкеназ. Иерусалим: Мирказ Залман Шазар, 2018. x, 322 с. [Berner T. Al pi darkam: yeladim ve-yaldut be-Ashkenaz. Jerusalem: Mirkaz Zalman Shazar, 2018. x, 322 p. (in Hebrew)]
- Га-хедер: Мехкарим, теудот, пиркей сифрут ве-зихронот / Под ред. Эммануэля Эткеса и Давида Асафа. Тель-Авив: издательство Тель-авивского университета, 2010. 578 с. [Ha-heder: mehkarim, te'udot, pirke sifrut ve-zikhronot / Ed. by Immanuel Etkes and David Assaf. Tel-Aviv: Tel-Aviv University Press, 2010. 578 p. (in Hebrew)]

- Еладим бе-рош га-махане: ялдут ве-неурим бе-итот машбер ве-тмура хевратит / Под ред. Яэль Дар, Таль Кугман, Егудит Штейман. Тель-Авив: Издательство Тель-Авивского университета и Махон Муфар, 2010. ix, 381 с. [Yeladim be-rosh ha-mahaneh: yaldut ve-ne'urim be-'itot mashber ve-tmurah hevratit / Ed. by Yael Dar, Tal Kogman, Yehudit Steinmann. Tel-Aviv: Tel-Aviv University Press & Makhon Myfat, 2010. ix, 381 p. (in Hebrew)]
- Залкин М. «Эт гадар га-тева ло яду ве-эт тхелет га-шамаим ло рау?» Ялдут ба-хевра га-егудит га-масоратит бе-мизрах Ейропа // Зманим. 2008а. № 102. С. 58–65 [Zalkin M. «Et hadar ha-teva' lo yad'u ve-et tkehet shamayim lo rau?» Yaldut ba-hevrah ha-yehudit be-mizrah Eiropah// Zmanim. 2008. № 102. P. 58–65. [in Hebrew]]
- Залкин М. Эль гейхаль га-гаскала: Тагалихей модернизация ба-хинух га-егуди бе-мизрах Ейропа ба-меа га-тша-эсре. Тель-Авив: Га-киббуц га-меухад, 2008б. 224 с. [Zalkin M. El heikhal ha-haskalah: Tahalikhei modernizatziyah ba-hinukh ha-yehudi be-mizrah Eiropah ba-meah ha-tsha-'esreh. Tel-Aviv: Ha-kibbutz ha-meuhad, 2008. 224 p. (in Hebrew)]
- Керен-Яар Д. Софрот котвот ле-еладим: криа пост-колониалит ве-феминистит бе-сифрут га-еладим. Тель-Авив: Рислинг, 2007. [6], 266 с. [Keren-Yaar D. Sofrot kotvot le-yeladim: kria post-kolonialit ve-feministit be-sifrut ha-yeladim. Tel-Aviv: Risling, 2007. [6], 266 p. (in Hebrew)]
- Когман Т. Ха-маскилим бе-мадаим: хинух егуди ле-мадаим би-мерхав довер га-германит ба-ет га-хадаша. Иерусалим: Магнесс, 2013. 243 с. [Kogman T. Ha-Maskilim be-mada'im: hinukh yehudi le-mada'im bi-merhav dover ha-Germanit ba-'et he-hadashah. Jerusalem: Magness, 2013. 243 p. (in Hebrew)]
- Ламдан Р. Ам би-фней ацман: нашим егудиот бе-эрец Исраэль, Сурия ве-Мицраим ба-меа га-шеш-эсре. Тель-Авив: Бейтан, 1996. ix, 242 с. [Lamdan R. Am bi-fnei ha-zman: nashim yehudiyot be-eretz Israel, Suriah ve-Mitzrayim ba-meah ha-shesh-'eshreh. Tel-Aviv: Beitán, 1996. ix, 242 p. (in Hebrew)]
- Машиах С. Ялдут ве-леумиют: дьюкан ялдут медумынет ба-сифрут га-иврит ле-еладим 1790–1948. Тель-Авив: ЧерикOVER, 2000. [3], 252 с. [Mashiah S. Yaldut ve-leumiyut: dyukan yaldut medumyenet ba-sifrut ha-ivrit le-yeladim 1790–1948. Tel-Aviv: Cherikover, 2000. [3], 252 p. (in Hebrew)]
- Прегер-Вагнер Р. Га-елед га-лаз ани гу ве-ло ахер. Тель-Авив: Га-киббуц га-меухад, 2018. 293 с. [Pregger-Wagner R. Ha-yeled ha-laz ani hu ve-lo aher: Yeladim ve-yaldut ba-sifrut ha-ivrit ba-meah ha-tsha' esreh. Tel-Aviv: Ha-kibbutz ha-meuhad, 2018. 293 p. (in Hebrew)]
- Фляйшман Й. Горим ве-еладим бе-мишпатеи га-мизрах га-кадум ве-бе-мишпат га-микра. Иерусалим: Магнесс, 1998. [6], 340 с. [Fleishman J. Horim ve-yeladim be-mishpatei ha-mizrah ha-kadum u-ve-mishpatei ha-mikra. Jerusalem: Magness, 1998. [6], 340 p. (in Hebrew)]
- Ховав Я. Аламот агавуха. Хаей га-дат ве-га-руах шель нашим ба-хевра га-ашкеназит берешит га-эт га-хадаша. Иерусалим: Кармель Ерушалаим, 2009. [1], 516 с. [Novav Ya. 'Alamot ahavuha. Haei ha-dat u-ha-ruah shel nashim ba-hevrah ha-ashkenazit be-reshit ha-et ha-hadashah. Jerusalem: Karmel Yerushalayim, 2009. [1], 516 p. (in Hebrew)]

Олешкевич Екатерина Валерьевна, аспирант, Школа истории, НИУ «Высшая школа экономики», магистр востоковедения и африканистики; kat.oleshkevich@gmail.com

Historiography of Jewish Childhood: Development, Specifics and Factors Causing Its Difference from Other Historiographies of Childhood

History of Jewish childhood is a new field in Jewish Studies, and research on it is still very limited. The article demonstrates that historiography of Jewish childhood goes through different stages than historiography of European or American childhood and explores other themes on the basis of other sources. The article argues that the factors causing these differences as well as general unpopularity of the topic in Jewish studies are the specifics of available sources and the influence of Israeli historiography, which pays more attention to “national dimension” than to “local” and less ideological topics like history of childhood, history of everyday life, etc.

Keywords: Historiography of Childhood, Jewish Studies, Historiographical Schools, Ethno-Religious Identity, Sociology of Knowledge

Ekaterina Oleshkevich, PhD student, School of History, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); kat.oleshkevich@gmail.com